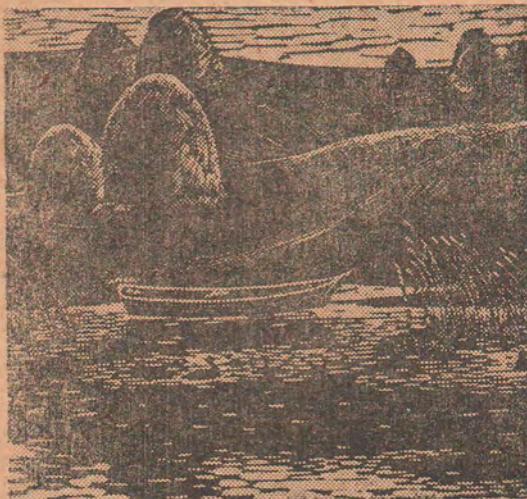

АЛЬФРЕД ПРЯНИКОВ

РАЗНОГОДЬЕ
СТИХИ 1953—1993 г.г.

с. Соколовка
Северо-Казахстанской области
1993 год

АЛЬФРЕД ПРЯНИКОВ

РАЗНОГОДЬЕ
СБОРНИК СТИХОВ

Ч 2 б ч ч

Советская ЦВС
Сев.-Каз. обл.

Эта книга — итог работы 40-летней творческой деятельности автора, известного не только в нашей области своими стихами.

Альфред Николаевич ПРЯНИКОВ родился 4 декабря 1935 года в селе Болотново Родниковского района Ивановской области. После окончания средней школы в 1953 году поступил на литературное отделение историко-филологического факультета Ивановского государственного педагогического института имени Д. А. Фурманова.

Занимался в институтском литературно-творческом кружке и в литературном объединении при солистном отделении Союза Писателей вместе с известными сейчас поэтами и прозаиками Г. Серебряковым, В. Смирновым, Н. Грачевым, В. Догадаевым и другими под руководством поэтов Д. Н. Семеновского, А. Н. Благова, В. С. Жукова.

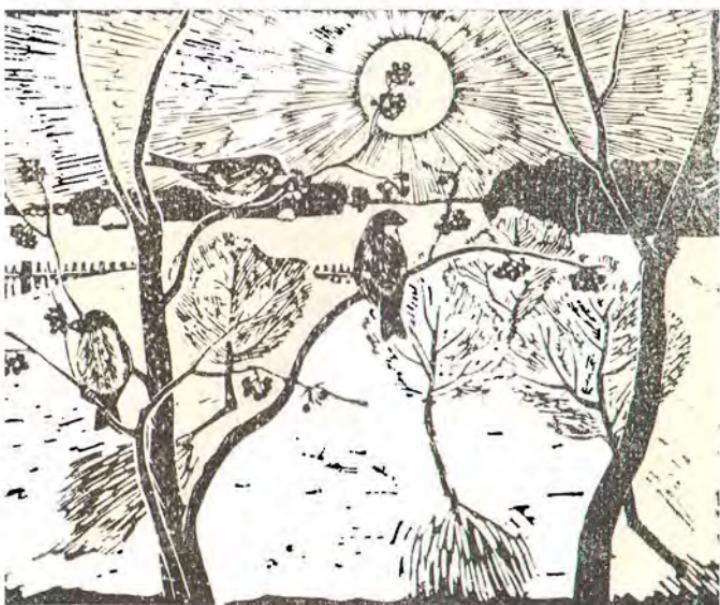
В 1956 и 1957 гг. участвовал в уборке целинного урожая в совхозах Акмолинской области, а после окончания института решил связать свою судьбу с Северным Приишимьем.

С 1958 г. живет и работает в Северо - Казахстанской области. Был сельским учителем, директором школы, организатором внеклассной и внешкольной работы, работал в райкоме партии, редакциях районных газет. С 1975 года живет в Соколовке.

Публиковаться начал еще школьником в районной газете «Родниковский рабочий» и областных — «Рабочий край» и «Ленинец». Стихи А. Пряникова публиковались во многих газетах, в том числе — «Казахстанской правде», «Сельской жизни», и «Литературной России», журналах «Простор», «Смена», «Сибирские огни», «Нива». Был участником 15 коллективных сборников, вышедших в разные годы в Иваново, Алма-Ате, Москве. В 1967 году республи-

Канатым издательством «Жазуны» издан первый сборник его стихов.

Много времени и сил отдает также переводам стихов казахских, украинских, немецких поэтов, переводит и прозаические произведения. Его переподы включены более, чем в 30 авторских и коллективных сборников, в антологии, изданные в Москве, Уфе, Йошкар-Оле, Грозном и других городах.

Моё поколение

* * *

«Все мы родом из детства...»
Литуан де Сент-Экзюпери.

След истающий выжжен
В нашем внутреннем зрении...
Почему-то все ближе
Мие мое поколение.
Если сверстника встречу,
Пусть вельможно-степенного, —
Моментально отмечу:
Он — из детства военного,

И в душе его спрятан
Сказ про детство голодное
И отца или брата
Ожиданье бесплодное.

Сказ про хлебные пайки —
Долгожданные, скучные,
Про винтовку из палки,
Про скитания трудные
В Ленинграде блокадном,
В поездах под бомбежкой...
Говорят мне: «Не надо,
Вспоминай про хорошее!»
Но куда же нам деться
От всего сокровенного?
Все мы — родом из детства,
Из того, из военного.
Пусть имеем машины —
Кто по службе, кто — личные —
Тем навек хороши мы,
Что к работе привычные.

Знаем хлебушку цену
И людскому страданию,
Хоть не часто, наверно,
Вспоминаем про давнее.
Все мы — родом из детства,
В трудных днях закаленного,
Все мы — родом из детства,
Той войной опаленного
Одногодка увижу —
Вновь замру на мгновение...
С каждым годом все ближе
Мне — мое поколение.

1985 г.

В ГОСТИХ У ДЕТСТВА

Годы детства — нет, не беззаботного,
Пролетели, словно бы вчера...

И опять село мое Болотново
Снегит колокольнею с бугра.

Как оно с годами-то меняется —
Зимо, жизнь на месте не стоит:
В ногу быть со временем старается,
Обновленный принимая вид.
С горки крыши — как рояля клавиши —
Кто сегодня этому не рад?
Только жаль — на старом сельском
кладбище

Новых поприбывалось оград.
Обелиски — дней минувших вестники,
Мир теней канавой узкой сжат...
Тут не только дедовы ровесники —

И мои, чай, сверстники лежат.
Прыгну в пруд с разбега
по-мальчишески,

Заново его переплыду
И пойму, что все-таки фактически
В чем-то я неправедно живу.
Вехи жизни встанут, словно надолбы,
И укоры танками попрут...
В гости к детству
Чаще ездить надо бы,
Окунаясь в память, словно в пруд.
Где мечты мальца полуголодного,
Кто даст за лишения ответ?
Растрявило душу мне Болотново
Не впервые за много-много лет.
Растрявило,

Все наружу вывело,
Что таилось в сердце до поры...
Горечь слез
Степное солнце выпило,
Только иглы памяти остры.
И они уколют не единожды,
Небреженьем к предкам попрекнут...
Слез души, вы скажете, не видно же!
Только память -- годы не сотрут.

1972—1988г.г.

ДОРОГА В ШКОЛУ

Моей первой учительнице Ольге
Алексеевне Донцовой посвящается.

Зачем ты в утро ранее
Гуляешь по дворам,
Замел дороги санные,
Взбесившийся буран?
Волчихою голодною
Ты воешь, нас слепишь.
Село мое, Болотново,
В пурге до самых крыши.
И жмется наша братия
К забору, к топольку...
Но в школе все ж занятия
Начнутся по звонку,
Дыханье злого севера
Неистово сейчас,
Но Ольга Алексеевна
Подбадривает нас:
— Дойдем, мои упорные,
Отважные мои...
За лугом зданье школьное,
Нас ждающее, стоит.
Там окна тускло светятся,
Чуть видны сквозь пургу...
Учительнице верится,
Что точно так, в снегу,
И муж ее с задания
Бойцов своих ведет.
Его не это здание —
Блиндаж холодный ждет.

Поди, уже в Румынии —
Вернется ли домой?
Тоскливо в ночи зимние
С девчонками одной.
А днем отрада — школьники,
Вот эта ребятня...
«Все балуются, шкодники,
А любят все ж меня.
Отцы у многих сгинули
Войне — четвертый год,
Но все ж растет невиданный,
Отчаянный народ.
Как может он не нравиться,
И можно ли ругать,
Коль учатся, стараются
И взрослым помогать?»
Дорога сплошь застелена
Морозной колкой тьмой,
Но Ольга Алексеевна
Ведет нас по прямой.
Надежно память спрятала,
Как шли мы, пацаны,
Сквозь зиму сорок пятого,
В последний год войны,
Как были дни высотами,
Что сразу не брались,
Как верили и все-таки
Победы дождались!

1985 г.

СЫНОК

Обычнейшее средь многих,
Приманчиво и светло,
Стоит на большой дороге
Старинное наше село.
Сейчас тишина тут летом,
Кюветы полны травой...
В войну же дорога эта
Считалась прифронтовой.
По ней тягачи гудели,
К фронту солдаты шли.
Защитникам в серых шинелях
Тащили мы, что могли:
Морковь, огурцы и репу,
Смородину в бересте,
Хоть сами худыми крепко
Были все в годы те.
Как-то иду под осень —
От ферм отвозил навоз
(А было мне только восемь,
Да лет не считал колхоз),
Гляжу: у ворот на лавке
С одною рукой солдт...
Тогда, говоря по правде,
Каждому был я рад:
Вдруг об отце он знает
Немножечко хоть, чуть-чуть?
А пыль на кирзе сплошная.
Немалый отмерил путь!
Он мне:
— Попить дай, хлопец,

Сухо во рту с утра...
Что-то у вас колодец
С цепью да без ведра!
Залпом ковш опорожнив,
Второй одолеть не смог
И, выплеснув осторожно,
— Спасибо, — сказал, — сынок!
И это «сынок» по сердцу
Так резануло вдруг!
Боялся, что он заметит
Дрожанье мальчишьих рук.
Немного поговорили:
Отца он, жаль, не встречал.
Ушел по дорожной пыли,
А я все стоял, молчал.
Не знал, что через полгода
Приедет отец в санях
И втиснется в те же ворота
На новеньких костылях.
Возрадуюсь я: добрался
Все же до нас отец!
А вдруг и ему попался
Такой же, как я, малец?
Дал из ковша напиться
И репою угостил...
Давно мне война не снится,
Солдата же — не забыл.
Голодные и босые,
С мозолями на руках,
Все пацаны России
Ходили у них в сынках.
А путь был далек, как Млечный,
И в разные вел концы,
Но кто воевал — навечно
Моим одногодкам — отцы!

1979г.

КРАПИВНЫЕ щи

Ониять страницы памяти листаю,
Лслышав чей-то возглас поутру:

- Не лезь к цветам! Крапивой
настегаю!

Да, вспоминают лишь не по добру
Крапивный род—разросшийся,
настырный:

«Ну, и растенье! Жалит всех подряд!»

И—«У сатирика язык крапивный...»—

Не в почесть — в осужденье говорят.

Она не знает, что такое жалость,

Берша предначертание свое...

И мне порядком в детстве доставалось

Пупырьев на голяшках от нее.

Но помню и другое: только стают

На огороде снежные пласти,

Как бабка:

— Щи, гляди-ка, подрастают! —

Провозглашает, глядя под кусты.

И я как старший в нашей беспокойной

Семье, полуходной и большой,

В голяцах рву (не жжет — и тем

довольный)

Крапивы листья с легкою душой.

Кипеть потом им в чугуне горбатом

С клеймом старинным на крутом боку.

Щи мама с бабкой забелят обратом,

Что с молоканки я приволоку.

И—вкуснотища! Не обед, а диво!

Пусть мало хлеба —

Вдоволь щец зато...

Легко ругать да проклинять

крапиву—

Спасибо ей, родимой, скажет кто?

Ей, давней избавительнице нашей...
Да и сейчас в деревню загляни,
Крапивных щец отведай с пшеничной
кашой --
У скольких нынче на столе они!
И верю: долго ты не позабудешь
Давнишний харч незаменимый наш
И хаять лишь крапивный куст не
будешь,
А должное кормилице воздашь.
...Гудят давнишней болью, нарастая,
Дни детства — горькие и злые дни.
Опять страницы памяти листаю —
Вновь по спирали движутся они...

1991г.

РЕБЯТА ВОЕННОЙ ПОРЫ

Мелькают и дни, и недели,
Что в памяти — детства костры...
Давно вы, давно поседели,
Мальчишки военной поры.
За годами годы проходят,
Как сыплются камни с горы,
И внуков в детсадики водят
Девчонки военной поры.
Но помнят и те, и другие,
Как в давние, трудные дни,
В суровые годы, крутые
Отцов заменяли они.
Как рано, с зарею, вставали,
И вместо игрушек — станки,
Как их старики называли:
«Работнички», «дочки», «сынки».
В колхозах, на фабриках, в деле,
Ни выног не боясь, ни жары,
Как рано вы, рано взрослели,
Ребята военной поры.
Растут, выпрямляются дети,
Судьба их по свету ведет...
Но вы и поныне в ответе
За все на планете, за все—
За то, чтоб потомкам в наследство
Безъядерный мир подарить,
За то, чтобы вашего детства
Внучатам — не повторить!
Чтоб, глядя на ваши медали,
Нелегкую знали судьбу,

Чтоб детям своим передали
Извечную тягу к труду.
Его только время крутое
Вновь ценит -- не чьи-то дары...
Вовек не старейте душою,
Ребята военной поры!

1985 г.

* * *

Я знаю гнев,
Я знаю боль,
Я знаю хлеб,
Я знаю соль.
Я соль не только с хлебом ел —
Я над тобой, земля,
За плугом в десять лет потел,
Навоз возил в поля.
Вкуснее сладких дынь и реп,
Пахучий и земной,
Мне был невзрачный серый хлеб,
Взращенный в поле мной.
Был жесток на ладонях след
От рукоятки вил —
В двенадцать лет,
В тринадцать лет
Я боль в руках носил.
Был беспредельно гнев тяжел,
Когда отец впотьмах
Протез отстегивал и шел
К окну на костылях.
И, бредя рифмой до зари,
К столу припав плечом,
Я мог, мальчишка, говорить:
Я знаю, что почем:
Что значит хлеб,
Что значит соль,
Что значит гнев,
Что значит боль.

1958 г.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Сестре Нонне

Войну и голодное детство,
И школу, и пруд под горой,
И всех, с кем делили соседство,
Опять вспоминаем с сестрой.
А жизнь нас не радует новью —
Не встречи, а сны наяву:
Сестренка моя — в Подмосковье,
А я — в Казахстане живу.
Встречаемся слишком нечасто —
Приедет — непросто узнать...
Воистину, кажется счастьем:
Сидеть, говорить, вспоминать.
Все видится четко и честно
Сквозь призму нетленных годов
И наше несветлое детство
До крохи припомнить готов.
Родню и не слушаем вроде,
В мир прошлого погружены.
А память нас снова уводит
В далекие годы войны...

1981г.

НИТКА В ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ

Нет, я не защищал страну,
Врага на запад, вспять, гоня,
Не я прошел через войну —
Война прошла через меня.
Но тем, что в дедовом звене
Я сеял хлеб,
Пахал и жал,
Что помогал, как мог, стране,
Я все ж Победу приближал.
Мальцы трудились хорошо,
И флаг подняли в нашу честь...
В Победе знамени большом
И наша нитка, значит, есть!

1985г.

ДОРОГА В ДУНИЛОВО

Что-то чаще стало сниться мне,
Как, пугая робкий взгляд,
 Ошалелыми синицами
Листья по ветру летят.
Как, играя с ветром в «прятушки»,
У деревни на виду,
Я вдоль нашей Тезы-матушки
В школу берегом иду.
Путь из памяти не выкинуть:
Через поле прямиком
От Седельниц до Рябинкина,
Там—к Колбацкому леском.
По дороженьке с аллеями,
Где березы в два ряда,
Всеми ветрами овеянный,
Прохожу опять туда,
Где бунтуют струйки резвые,
Тень моста на них легла,
Где синеют по-над Тезою
Церкви старого села.
И любая — чисто убрана,
Их народ-творец создал.
А в двадцатых—Дмитрий Фурманов
Здесь «Чапаева» писал.
Сколько лет село красуется,
Знаменитое давно?
Пусть туристы им любуются —
Мне-то помнится оно
Каждой крышей, липой каждою —
Память детства горяча...
Школой нашей трехэтажною,
Где я знанья получал.
Сердце вновь спешит с ударами,
К этим тянетесь местам...
Снятся вновь они недаром мне:
Значит, скоро буду там!

1972г.

ГОЛУБИ

Я на квартире жил у бабки хмурой,
Где не бывало без ворчанья дня
И даже потревоженные куры
Глядели с укоризной на меня.
Я не был ни неряхой, ни задирой,
Старался не идти наперекор
И все ж подумывал сменить
квартиру...

Но как-то утром выхожу во двор
И вижу: бабка на скамейке низкой
Сидит, отставив палочку свою,
В руках — эмалированная миска,
И голуби у ног ее снуют.
Она им крошки хлебные кидает,
Бахромчатым платком перевита,
Приветливая, добрая такая,
Какой ее ни разу не видал.
— Гуль-гули, клюйте,
Ешьте, мои гули...
И рассыпает крошки и пшено,
А годы старую совсем согнули,
В глазах — слезинки, и лицо темно.
Каким-то новым чувством обогретый,
Вернулся в избу я и у стены
Застыл, безмолвно, глядя на портреты
Ее сынов и мужа — жертв войны.
И сердце обожгло вдруг, что ночами,
Приглядываясь и добро тая,
Она меня равняет с сыновьями,
Да в чем-то — недотягиваю я.
Достойны и забот, и восхищенья,

Они ушли — в июне, в октябре,
А ей одно осталось утешенье:
Кормить вот этих «гулей» во дворе.
На них потратить всю добра палату,
Всю нежность материнскую и пыл...

И жил у бабки я до аттестата,
Да и потом, случалось, заходил.
Она меня приветливо встречала,
Смотрела так же, как на голубей...
То ль я душевней стал,
Чем был сначала,
То ль просто чем-то
Поглянулся ей?

1981г.

РЕЧКА ВОНДОГА

Видишь — радуга,
Видишь — вон дуга?
Ты куда бежишь,
Речка Вондога?
Кривуляешь здесь
Да петляешь там
По малинникам,
По густым кустам,
Под лучом блеснешь
Струйкой яркою
И под радугой,
Как под аркою,
С солнцем вновь игру
Начнешь в «прятушки»...
— Я спешу, бегу
К Тезе-матушке.
И вода мся,
Как десятки вод,
Слившись с тезинской,
Мчит себе вперед —
В дали волжские,
Предалекие,
Катера несет,
Лодки легкие.
По пути стоят
Ели-зонтики...
Быть бессмертною
Речке Вондоге!

1968 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Разве много человеку надо
Для того, чтобы радость обрести:
Громогласное мычанье стада,
Довелось которое пасти,
Шелест листвьев близлежащей рощи,
Светлой речки тихоструйный бег,
И опять — естественней и проще
Ты живешь, усталый человек.
Ты, вернувшийся в родному крову,
В сердцем не забытые места...

Только в стаде —
Уж не те коровы,
Да и роща, собственно, не та.
Все здесь — продолженье, не начало
Обретенной в детстве красоты:
Речка сузилась и обмелчала,
Как твои давнишние мечты.

Но, пускай не часты возвращенья
В детством озаренные края,
Каждое — как будто воскрешенье,
Будто юность давняя твоя.
Здесь тебя пока не забывают,
Не хотят прощаться навсегда,
А усталость и печаль смывает
Детства животворная вода.

1990г.

ПУТЬ МОЙ

Путь мой, мною не пройденный —
Перелески, мосты...
Пахнут спелой смородиной
Над рекою кусты.
Лес в застенчивой прелести —
Сколько близкого тут!
Перещелки и шелесты
Будоражат, зовут.

Взгляду жадному отданый,
Всем хорош без прикрас,
Путь мой, мною не пройденный,
Ты мне снился не раз,
Ты манил меня выбежать
За высокий порог...
Ну, конечно, я выдержать
Искушенья не мог.
Сердцем связанный с родиной,
Доверяясь судьбе,
Путь мой, мною не пройденный,
Я иду по тебе!
На дорогах проселочных
Я встречаюсь с людьми...
В жаркий полдень и полночь,
Словно друга, прими.
Сократи расстояния,
Повороты в судьбе...
Посвящаю заранее
Все раздумья — тебе!

1958—1993г.г.

Зов степных ветров

Друзьям по поездкам на уборку
целинного урожая в составе
комсомольских эшелонов в
1956—1957 г.г. посвящается

НАЧАЛО ПУТИ

Окончен митинг,
Речи отзвучали,
Команда: «По вагонам!»
И—пошел!
Проворные ребята на вокзале
Уносят в сторону трибуну-стол.
«Даешь целинный урожай!»
На нашем
Вагоне надпись...
Стало быть, дадим!
И, сразу став серьезнее и строже,
Все ж грусти поддаваться
Не хотим!
Лекарство—песня,
Вот она, в полете,
Стремится ввысь,
Припевом отзненев...
О чём же вы, друзья мои, поете,
Освоиться с вагоном не успев?
А впрочем, что ж осваиваться
долго:
Уют вагона прост и немудрен:
На восемь человек—жилище-полка,
Окошки—двери настежь с двух
сторон,
Две полки в ряд, и по торцам вагона
В три этажа нехитрая постель...
Встав у дверей, считают перегоны
Искатели нехоженных земель.
Девчата — в косах бантики,
Мальчишки — сжатый рот,
Искатели, романтики,

Безудержный народ.
Загаром плечи выжжены,
Ты мысли их прочти:
«Нет, мы судьбой обижены
На жизненном пути!
Нет, мы в борьбе несведущи,
В бой опоздав уйти;
Нам всем почти, здесь едущим,
Не больше двадцати.
Без нас страну прославили
Советские войска,
И мы не партизанили
В отрядах Ковпака,
Не падали, сраженные,
В Победы славный час,
И города сожженные
Отстроены без нас».
Но, сыновья и дочери
Большой страны моей,
Пришла и ваша очередь
Помочь в работе ей.
Застегивайте ватники,
Идут за хлеб бои,
Искатели, романтики,
Ровесники мои!
— Не сидится так, хоть тресни,
Запевай, Валерий, ты...
И опять взмывает песня
Из вагонной тесноты,
Перекроенная песня
Про гражданскую войну:
— У-е-з-жали комсо-о-мольцы
В Казахстан на целину!

1957—1993г.г.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ В НЕТРОПАВЛОВСКЕ

Его уже не существует,
Есть новый, современный весь...
И все же памятью живу я

О том, как был впервые здесь,
Нас старый город утром встретил,
Знакомил с целиною он.

Не просто встретил — и приветил
Студентов узенький пerrон.

Мы запаслись тут пирожками,
Кумысом, книгами, ситро,
И он зелеными флагками
На целину нам дал «добро».
А проезжали через город
Целинники со всей страны,
И хоботы вздымали гордо

Из гипса серого слоны.
Кто знал, что снова нас поманит
К себе, уже надолго, он,
Что мы с дипломами в кармане
На этот же сойдем перрон?

Тут мы работали, мужали,
Несли свой пыл через года,
Домой лишь в отпуск уезжали
И — возвращались вновь сюда.
В просторных залах,
Светлых залах
Растекся пассажиров рой...
И все же старого вокзала
Так не хватает нам порой!

1980г.

В О Д А

А солнце жарит, жарит,
Сужает берега...
Нé только на пожаре
Вода нам дорога.
Ее бы верст за тридцать
Готов ты принести:
Не пить и не умыться —
Лишь в поле хлеб спасти!

1956г.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Темно-синяя ночь опустилась опять
И заставила сердце запеть...
Как посмотришь вокруг—
Ни за что не понять:
Что бескрайнее—небо иль степь?
Облака опустились на землю росой,
Лег волнистый туман до утра,
И о девушке с черной, тяжелой косой
По-казахски тоскует домбра.
И гитара по-русски вздыхает за ней
О неведомо- дальних путях,
И в соседнем поселке десятки огней
Чуть мерцают, призываю светя.
Тени белых палаток на землю легли,
Так все смутно,
И молодо так!
И моторы комбайнов рокочут вдали
Размечтавшейся музыке в такт.
Не теряясь, в степные просторы
плыви,
Прямо к небу в сплошных огоньках,
Наша песня о первой, тревожной
любви,
Что понятна на всех языках.

1956г.

НОЧЬЮ В СТЕПИ

Есс тихо. Только ветерок случайный
Моторов гул разносит по полям.
Сжимаю крепче я штурвал комбайна,
Глотаю воздух с пылью пополам,
Просторы ветер холодит стёпные,
Вокруг, мерцая с четырех сторон.
Горят комбайнов звездочки тройные,
Похожие слегка на Орион.
Они кругом. Мы в центре всей
равнинны...

А на другой комбайн ты перейди —
Увидишь вновь такую же картину:
Огни налево, сзади, впереди.
Но каждый верит,
Что в степи огромной
Он в центре, люди на негоглядят...
Не потому ль мерцают «орионы»
И до рассвета гаснуть не хотят?

1956 г.

СЛОВО О ПЛИЦЕ

Молчат о них книжек целинных
страницы,
Почти позабыты рабочие плицы.
А было ведь,
Было такое когда-то:
Погрузчики стали...
— За плицы, ребята!
Как снег, под ногами пшеница
хрустела,
И плицы метались в руках очумело,
Брызаясь в громады буртов
многотонных,
И — вновь убывали трехтонок
колонны.
Разгрузим одни —
На погрузке другие,
И мускулы ныли, как струны, тугие.
Ступни от усталости спотыкались,
И падали хлопцы...
Но все же не сдавались!
Да, было такое:
Вспухали мозоли,
Но хлеб шел рекою
И с тока, и с поля.
Не зря, получая значки и медали,
Мы плицы в руках, как винтовки,
держали.
Она и сейчас мне порой еще снится:
Железная плица,
Надежная плица!

1961 г.

Э Т О ` БЫЛО

На какой планете это было —
Клокотала пенная вода,
И палатки, и людейтопила,
В поле ни тропинки, ни следа.
Бешеные молнии сплетались,
Озаряя мертвенный простор,
В первый раз увиденные даги
Ну, ничуть не радовали взор.

Что, казалось бы, сидеть без толку,
И куда идти — в слепую тьму?
Слабые бралились втихомолку
И надрывно пели «Колыму».
Не поймешь — где степь, а где бригада,
В поле выйти — трактор утопить...

И хотелось есть. А было надо
Выдержать.

Не сдать.

Не отступить!

И держались. И не отступили,
И плевали на любые «но»...
В черноземе сеялки топили
Бережно хранимое зерно.
И светило жаркое светило
Над бескрайним золотом полей...
На какой планете это было?
Да на нашей. На Земле моей!
Пусть пригомнят это все поэты,
Что впервые ступят на Луну...
Сколько лет прошло — мы помним это:
Мы ведь штурмовали целину!

1962 г.

ПАЛАТКА

Стеклом витрин сверкают магазины,
И возле школы новый сквер разбит.
А за поселком, у цистерн с бензином,
Палатка одиёсская стоит.
Неласковым овеяна дыханьем
Метелей, вьющихся по целине,
Она белеет здесь напоминанием
О первой, незабывшейся весне.
И новичкам, на очередь в столовой
Ворчать готовым добрых полчаса,
Она без слов рассказывает снова
О людях, что творили чудеса,
О днях, когда она была жилищем,
Столовой, клубом, школою подряд...
И вдруг становится вкуснее пища,
Теплее голос, ласковее взгляд.
Растут дома, готовые к морозам,
И в свете электрических огней
Стоит палатка на краю совхоза
Реликвией давно минувших дней.

1957 г.

НА ЭЛЕВАТОР

Закат горел почти в полнеба,
Дрожали тени на снегу,
И шли, и шли машины с хлебом,
Включая фары на бегу.
А снег лежал в полях, как вата,
Машины пели озорно
И в ноябре на элеватор
Везли сентябрьское зерно.
Уже за пламенем заката
Их скрыла снега пелена,
А я все думал:
«Как богата
Ты трудным хлебом, целина!»

1959 г.

П О Е З Д А

Им путь освещает звезда
Под синим распластанным небом...
Бегут и бегут поезда
За хлебом,
За хлебом,
 За хлебом.
И тени степных скакунов
Глядят из веков изумленно,
И, словно немое кино,
 Плынет целина за вагоном —
 До колков распахана вся,
Застроенная и обжитая...
Упруго вагоны неся,
Колеса над ней пролетают.
И жаркое солнце встает,
И люди торопятся следом
За главным богатством ее—
За хлебом,
За хлебом,
 За хлебом!

1957—1983 г.г.

ЭКСПОНАТ

Перед виднейшими людьми страны
Я специально бы вопрос поставил,
Чтобы хоть полгектара целины
В совхозе каждом агроном оставил.
И пусть бы люд прибывший
посмотрел,

Какою здесь
Была земля когда-то...
А рядом бы—хлебов прибой шумел
И целина лежала б экспонатом.

1960 г.

ЗА НАШ ЦЕЛИНИНЫЙ ХЛЕБ

Одолевают нас болезни —
Следы войны, следы хлопот...
Врачи твердят: «Всего полезней
Жить без тревог и без забот».
Конечно, единственное средство,
Но вникли в лет минувших связь:
Считало крохи наше детство,
А юность — к знаниям рвалась.
И, в десять лет недодавая
Нам хлеба, в двадцать нас страна
Послала в эту ширь без края,
Где горы высились зерна.
Не для того ли нам открылся
Безбрежный скеан степной,
Чтоб никогда не повторился
Пайковый год — сорок седьмой?
Не для того ль мы буртовали,
Грузили в кузовы зерно,
Чтоб наши дети узнавали
О голоде — лишь из кино?
Мы и сейчас еще в тревоге —
В борьбе за наш целинный хлеб,
И наши вечные дороги
По всей раскиданы земле.
И мы ее ногами вертим
И отдохнуть ей не даем...
Ну, а болезни — перетерпим
И трудности — переживем!

1979г.

СТАНЦИЯ КИЯЛЫ

Поля да седоватый солончак —
Сурков, привыкших к поездам,
обитель,
Да строгий элеватор в трех шагах —
Такой впервые я ее увидел.

Здесь продолжалась молодость моя,
Что началась в далеком институте...
Вновь сердце в эти тянетесь края,
И радуешься выпавшей минуте
Свиданья с этой станцией, со всем,
Что в памяти, коль мимо
проезжаешь...

И вроде б не грустил о нем совсем,
Но сердцем все тут заново узнаешь.

И снова ехать в те места готов —
С ребятами бродить между валками,
И всех попутчиков из тех краев
Считаешь не напрасно земляками.
Там без тебя по-прежнему живет,
Нет, не по-прежнему, а лучше много
Тот работящий, тот степной народ,
С которым разошлась твоя дорога,
Дела его серьезны и светлы,

И возводимые надежны зданья...
Что ж, станция с названьем Киялы, —
До новой встречи,
Нового свиданья!

1984г.

ДОРОГА

Валентине

Машины мчат гудронным грейдером,
Что словно вычерчен рейсфедером,
Мчат через поле прямиком —
Грузовики за самосвалами
Со скоростями небывалыми,
А мы с тобой — идем пешком.
Идем в закатном алом зареве,
Идем, как дети, взявшись за руки,
Собой довольные вполне.
Навстречу всем полям желтеющим,
Ветрам навстречу тихо веющим,
Идем по бывшей целине.
Луга вокруг недавно скошены,
Парят над нами в небе коршумы,
И птаха малая свистит.
Блестят озера, словно ртутные,
Кричат шоферы нам попутные:
— Молодожены, подвезти?
— Не надо! — машем им.—
Так лучше нам!
Дорога десять раз изучена,
И сердце молодеет тут.
Зря, что ли, по дороге, дома ли
Давно нас люди незнакомые
Молодоженами зовут.
Погасло радужное марево,
Пылает радостное зарево,
А мы с тобой еще в пути...
Неторными путями Родины,
Дорогами, что вместе пройдены,
Идти с тобой нам да идти!

1963 г.

**у нас
в Приишилье**

И В Й

У тихой протоки,
Над морем осоки
Грустят терпеливо
Иззябшие ивы.
Грустят терпеливо
И ждут—не дождутся,
Когда же бурливо
Здесь волны забываются,
Когда понесут
На большие равнины,
Держа на весу,
Белокрылые льдины,
Когда разгуляются
Ветры игризо —
Тогда выпрямляются
Старые ивы,
Как будто часами
За год вырастая,
И машут ветвями:
«Счастливо растаять!»
Пройдут водополья
Недолгие сроки,
Покажутся иглы
Колючей осоки --
И вновь до апреля,
До звонкой капели
Грустят терпеливо
Зеленые ивы.

1957 г.

М Е Ч Т А

Вдалеке, над вешними лугами,
Пролетает чайка, как мечта.
Одинокий, почерневший камень
Сумрачно глядит из-под моста.
На него с рассветом белопенным,
Весь мечтой нездешней обуян,
По скрипучим сваям постепенно,
Медленно спускается пацан,
И глядит, глядит из-под фуражки
На сплошной, ликующий разлив,
Краешек застиранной тельняшки
Встрету неуемному открыв.
Взявшийся неведомо откуда,
Бриз посвистывает в талых вант,
И спешит по волнам крутогрудым
Гриновское чудо — Фрези Грант.
— Васька! Марш домой!
Велела мамка! —
Слышится не с мостика — с моста...
Исчезает гордая осанка,
Улетает светлая мечта.
Но она еще вернется, знаю:
Снова дует вешний ветерок,
И скрипят натруженные сваи
Под резиной стареньких сапог.

1962г.

ОГОРОДНАЯ ВЕСНА

1971г.

СОЛОВЬИ ЗА ИШИМОМ

Всё рос уляжется в простую фразу:
Один, с супругой,
С дочкой или сыном
Вы соловьев не слушали ни разу
За тихоструйным, дремлющим
Ишимом?

Пройдите вечерком, да попозднее
Тропинкой узкой от моста налево,
К обрыву, где прохладой омут веет,
И сядьте на скрипучее полено.
Оно с весны каким-то рыболовом
Сюда принесено удобства ради...
Ни шороха, ни ветерка шального --
Лишь шепчется тальник о чём-то
сзади.

Да рыбий всплеск, нежданный,
одинокий,
Да чайка, промахнувшись,
крикнет сдуру...

И вот из-за кустов, неподалеку,
Певец наш начинает увертюру.
Сначала — проба голоса, рулады,
Еще незавершенные коленца,
Но вот уже вовсю, не для награды,
Запел, затрепетал до дрожки в сердце.

То с перещелком, то с каким-то
всхлипом,

То в горлышке горошину катая,
Поет, чаруя...

Не слыхал где-либо
Я, чтоб звучала музыка такая.
Я слышал их — и курских, и
орловских —

В кино, с пластинок и в натуре даже,
Но голос приишимского неброский
Не передашь в словах, не
перескажешь!

К нему второй добавился и третий...
Не умолкая даже на мгновенье,
Разносится над древним миром этим
Усиленное водной гладью пенье.

И гул машины, едущей по мосту,
И рев кёров, что к дому поспешают,
Купальщиц поздних смех,

разноголосье —

Все эти трели мигом заглушают.
И вы в раздумье смотрите на воду,
О всех делах забыли почему-то
И думаете: есть же у природы
Такие незабвенные минуты!

1978г.

— 4

БОЛЕЮ СЕРДЦЕМ ЗА ИШИМ

Болею сердцем за тебя, Ишим,
И за твои страдальческие воды:
Как часто мы, не думая, спешим
В них побросать весь мусор и отходы!
По берегам подчас—завалы сплошь,

Спеша на север, к водам Иртыша,
Несешь ему степных поклоны далей....
И поневоле заболит душа,
Коль глянешь, что в тебя мы
накидали:
Отгоны летние по берегам,
Биопрудов зловонное соседство,
И рядом, здесь — ребячий смех и гам,
Беспечное вовсю развится детство.
Коровы бруцеллезные мычят,
Скребут владельцы грязные машины,
И где найти надежного врача,
Чтоб защитить песков твоих седины?
И пусть мои истоки далеки —
Влюблен душой в степную эту землю,
В защиту нашей солнечной реки
Я голос свой воинственно подъемлю.
Мы всех проблем, конечно, не решим —
И детям их, и внукам нашим хватит...
Но всех прошу: болейте за Ишим —
Он за добро сторицею отплатит!

1984Г.

НА РЫБАЛКЕ

Сбежать мне каждый вечер хочется
С обрыва на песчаный плес...
Рыбалка любит одиночество,
Как размышления всерьез.
На час-другой, но все же выберусь,
Пройду неспешно вдоль реки,
Местечко поудобней высмотрю,
И — берегитесь, чебаки!
Не знаю отдохна я лучшего:
Пускай смертельно ты устал,
Но вытащил ерша колючего
И — словно вдруг моложе стал.
Иль окуня темно-зеленого —
Сгодится тоже для ухи...
И не с восторга ль умиленного
В душе рождаются стихи?
Стихи о свежести и росности
И о начале всех начал,
О необъятной синей звездности,
Такой бездонной по ночам.
Приходят, ветрами навеяны,
Десятки светлых, свежих строк,
И из-за них, глядишь, ты временно
Совсем забыл про поплавок.
Сидишь и ищешь — рифму, слово ли,
Что станут выше всех наград...
Идешь домой с двумя уловами —
Которому ты больше рад?
Конечно, в ком рыбачкой искры нет,
Тем это странно, может быть,
Но я друзьям желаю искренне:
Ловить вам — не переловить!

1973 г.

КАРАСИ

Твой, старица, давний поклонник;
К тебе прихожу, не таясь.

Когда зацветает шиповник,
Клевать начинает карась.
Молочно-белесым туманом
Низина полна до краев.

Так тихо, что вовсе не странно
Надежды питать на улов.
За дальними ивами где-то,
Что впали пока в забытье,
Родное по прошлому лету,
Заветное место твое.

Дошел, у куста примостился,
Подкормку метнул по воде...
Ход времени остановился,
Отрадно душе, как нигде.
Сошелся весь мир узким клином
На конусе поплавка,
Что ты осторожно закинул,
Еще неподвижном пока.

Но что это? Властно и резко
Его через плес повело...

Подсечка, натянута леска,
И чует рука: тяжело!
Не выволочь на поверхность —
Тяни по воде, торопясь...
И — вот он, твой нынешний первый
Серебряный чудо-карась!
Травою облепленный росной,
С овално-тупой головой..

Ты шепчешь счастливо:
«Трехперстный,
Не трепыхайся, постой!»
В бидончик его, и насадку
Скорее переменить...
А в сердце призывно и сладко
Звучит тонкострунная нить.
Пушинки на воду ложатся,
Все чаще метнувшись всплеск —
Теперь караси не таятся,
И все оживилось окрест.
И пусть ты не выспался утром —
Все в мире — да что говорить! —
Стдашь за такие минуты,
Чтоб их поскорей повторить.

1977г.

СЕЛЬСКОЕ УТРО

Багряная, во всем своем величье,
Встает заря над миром не спеша,
И перекличка радостная птичья
Тревожит первозданность камыша.
Горланят петухи, в опилках роясь,
В хлеву протяжно мекает коза,
И репродукторы молчат, готовясь
О чем-то важном миру рассказать.
А за поселком, у ракит веселых,
К земле стремглав планируют стрижи,
И вновь директор к зданью новой
школы

Спешит взглянуть: растут ли этажи?
Душа звенит, играя каждой стрункой,
Как дышится свободно и легко!
На сонной ферме белопенной струйкой
Бежит в молокопровод молоко.
Я голосов рассветных перекличку,
Как росный ландыш, миру подарю...
Багряная, во всем своем величье,
Встает заря...
Приветствую зарю!

1964г.

Я ИДУ ПО ЗЕМЛЕ

Липы в росных туманах,
Словно в мягкой золе,
Дремлет ночь на полянах,
Я иду по земле
Мне все лето не спится,
Подхожу я к сосне —
Чуть чирикает птица
На ветвях в полусне.
Ест и снова ни звука,
И звезда не блеснет,
Только в омуте щука
За кустами плеснет.
Но вдали, за оврагом,
Алый отблеск растёт,
Словно тонкой бумагой
Принакрыт небосвод.
Все яснее и резче
Горизонта черта...
Тут и сравнивать не с чем,
Лишь вздохнуть: «Красота-а!»
День идет синей далью,
Тракторами гудит,
Блеет солнце медалью
На широкой груди.
Не плывет оно мимо,
Поспевает везде...
Скоро, край мой родимый,
Подойдет и к тебе.

Подойдет и разбудит
Все леса и поля...
С добрым утром вас, люди,
С добрым утром, Земля!
Пусть в нас прочно и мудро
Входит радость труда,
Пусть грядущее утро
Будет добрым всегда!

1963 г.

ПОЛИВНЫЕ ЛУГА

Вдалеке от затонов,
Где вода дорога,
Распахнулись привольно
Поливные луга.
День и ночь неустанно,
Чуть дрожа на ветру,
Бьют шалые фонтаны
Из распахнутых труб.
Гонят воду моторы
Из медальних озер,
Будет скоро да споро
Здесь большой сеносбор.
Струя радужным рады,
Травы тянутся в рост,
Из «Волжанок» и «Радуг»
Бьют фонтаны до звезд.
Даже в знойное лето
Нельзя не сохнуть поля,
Мы добьемся, чтоб эта
Стала щедрой земля.
Нельзя сверкают тут росы,
Сеет влагу дуга,
Нельзя дают два укоса
Поливные луга!

1978 г

—4—

С Е Н О К О С

Как темно-зеленых башен стены,
Вдалеке растет за стогом стог.
Мятный запах высохшего сена
По лугам разносит ветерок.
Сено пахнет медом и малиной—
Хоть на праздник подавай к столу!
Тяжело груженые машины
Важно проплывают по селу.
Волглый воздух примет вас в объятья,
Сонной дремой напоить готов,
И мешаются девичьи платья
С радугой подкошенных цветов.
Свежесть, пота капельки на лицах
И медвяная прохлада рос —
Все сольется, все объединится
Словом полновесным: СЕНОКОС.

* * *

Солнце жарит неустанно
Из бездонной просини,
А девчата в сарафанах —
Что цветы на просеке.
Как же не залюбоваться
Русыми да рыжими?
И луга, как новобранцы,
Под «иолевку» стрижены.
«ЗИЛ» ползет с прицепом полным
Грузин, как верблюдица...
— Будем с сеном? — Безусловно!
Для того и трудимся!

1959—1980г.г.

—

НА ДАЛЬНЕМ ОТГОНЕ

Берез ветвистых венчики
Ломаются от ветра,
Машина, как вареники,
Глятает километры.
По солонцам, над озером,
Над котлованом рыжим
Трехтонка тень отбросила,
Отгон все ближе, ближе.
Жара--куда тут денешься!
Но вст ужে ворота,
Машина в лагерь девичий
Влетает с разворота.

Казалось бы, событие
Пустяшное такое,
Что этому «открытию»
Салютовать не стоит.
По радость тем не менее
Силяга не без причины:
Здесь редкое явление
Прибывшие машины.
Я воду пью студеную
Из фляги, в землю врытой,
Шторсмогку пропылнило
Бросаю под ракитой
Под небесами жаркими,
Присев на плоский камень,
Беседую с доярками,
Пью чай с гуртовщиками.
Все цифры, достижения
Вновь уточняю строго,
И вновь оно, движение,
И вновь она, дорога!

1969г.

ЛЁТНИЙ ДОЖДЬ

Еще дрожит намокшая листва,
И с крыш капель по ведрам барабанит;
Но из-за туч с улыбкой торжества
Нежданно солнышко проглянет;
И лес умытый сразу заблестит;
И все на светё
Сердцу станет мило;
И из-под кочки перепел взлетит;
Любуясь чистым,
Обновленным миром.

1953—1983г.г.

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Древний лес рассыпался в осколки,
И они белеют средь полей...
Я люблю березовые колки,
Где зимою — снега до колен.
Светятся насквозь они — еще бы:
Всюду — лишь бересы да кусты...
Мне, привыкшему к лесным чащобам,
Странно чувство новой красоты.
Ни ручья, ни речки-серебрянки,
Где вдруг сухостои да пеньки?
Но зато здесь ягоды — костянки
Уйма в августовские деньги:
Лягу под березонькой, усталый,
Котелок поставлю возле пия,
И она, как мягким одеялом,
Легкой тенью кутает меня.

И забуду, что я не в России,
Что не те, привычные места...
Небосвод в просветах синий-синий,
А кругом — такая красота,
Что нельзя за карандаш не взяться,
И нельзя все это описать..
Разморит, и вдруг начнет казаться,
Что, как в сказке, невозможно встать,
Что ты злую силой заколдован

И, сраженный ею, пал в траву...
И обидно, если все оковы
Вдруг слетят от краткого: «Ау-у!»
В сердце острые колынут иголки,
Скомкал поэтическую речь...
Хороши березовые колки —
Как их нам для внуков уберечь?

1961—1991г.г.

ПО ГРИБЫ

В нетерпенье жгучем весь
Росною тропинкой
Ты идешь привычно в лес
С легкою корзинкой.
До него недалеко:
Поверни налево,
И уже — подать рукой...
Словно королевы,
Сосны гордые стоят,
Возле них — подросша,
Можно тут найти подряд
Сто маслят хороших.
Ну, не сто—десятика три,
Коль прийти на зорьке,
Только, чур, вокруг смотри
Пристальней и зорче!
Подосиновик зовет
Бархатистой шляпкой,
А лисичек хоровод —
Хоть бери охапкой!
Под ногою хрупнул вдруг
Груздь... А ну-ка рядом
Все окидывай вокруг
Напряженным взглядом!
Видишь — листвьев бугорки?
В сторону их сдвигнем —
Точно, белые грибки
Прячутся под ними!

И корзинка тяжелей
С каждой сотней метров,
А на сердце веселей—
Ни дождя, ни ветра.
Зачарованно молчит
Лес в тиши глубокой,
Только дятел простучит
Где-то одиноко.
Можно к дому повернуть
За седой низиной
И в обратный двинуть путь
С полною корзиной.
Скок!—кузнечик из-под ног,
Гул машины сзади...
Спросит встречный паренек:
— Где набрали, дядя?
Тех волшений, той ходьбы
Ты не позабудешь...
Собирайся по грибы —
Каяться не будешь!

1978г.

С Е Н Т Я Б Р Ъ

и
т

Как он у нас
В краях различных разный:
В одних, заметно хмара небеса,
С тобою он беседует, как равный,
Ведет в свои багряные леса.
Там тихо так,
Что говорить не надо —
Присесть и думать, каждый о своем...
И мы его порою листопада
И «золотою осенью» зовем.
В краях иных
Сентябрь—еще не осень:
На тополях едва желтеет лист,
И лето мы по-фаустовски просим:
—Остановись! Еще хоть чуть продлись!
И так поверить нелегко, что где-то,
Отцвесь уже успевшее вполне,
На юг давно откочевало лето
И кружатся снежинки в вышине.

1970г.

НА ЖАТВЕ

От самого грейдера —
Ленты валков,
Как желтые змеи, ползут к горизонту..
Уедешь хоть близко, хоть далеко,
Но где ты отыщешь главнее заботу,
Чт м этот, на поле расплаственный хлеб,
Бесценный, как жизнь,
И весомый, как клятва?
И усидишь ли в уютном тепле,
Когда на полях идет трудная жатва?
И в ритме моторов —
Времени бег,
И главная мысль под нахмуренным небом:
Не хлебом единым жив человек,
Но в первую очередь —
Все-таки хлебом!»

1983—1993г.

~ ~

РАЙОННЫЙ ЭЛЕВАТОРЬ

Вы были на районном элеваторе,
Вы видели неистовый тот труд?
От непогод храницы упрятали
Здесь тяжесть золотых пшеничных
груд.

Тут можно ничему не удивиться,
Но все упорно просится в стихи:
Зерном отполированные плицы
В руках девчат, как перышки, легки.
Кивнет шофер знакомый вам: «Здорово!»
И в нетерпенье смотрит на часы,
Здесь важно, как на выставке коровы,
Становятся машины на весы.
И зависть острая внезапно сердце
Тисками беспощадными сожмет:
Сейчас бы в руки плицу да согреться,
Со лба стирая неуемный пот.
Или с зерном по грейдеру бы мчаться
Не пассажиром, а шофером вам
И ощущать стремительное счастье,
Большое, неподвластное словам.
Прийти домой небритым и усталым,
А завтра с тока мчаться вновь сюда,
Где царствует в кипенье небывалом
Горячая и трудная страда.

1969г.

В ДИСПЕТЧЕРСКОЙ

И по крышам течет,
И за ворот течет,
Пятый день за окном
Дождь проселки счет.
Зал диспетчерской полон,
Шоферы молчат,
Лишь подошвы по полу
Лениво стучат.

Августовский загар
Под щетиною сник,
И усатый завгар
Очень важлив и тих.

Не ругается он,
Не мотаётся он,
Безнадежность — как стои...
Вдруг — дзинь-дзинь! — телефон.
По вопросу, чуть слышному,
Чуют: где-то беда...
Повернулся — и к ближнему:
— Вася, ну-ка, айда!
Пол подметкой не вытесочь,
Застегни-ка пальто!
— Не проеду я, Викторыч,
Видишь, десется что!
Небо, словно прореха,
Ни вперед, ни назад...
— Надо, друже, проехать,
Дело срочное, брат!
— Ну, попробуем, что ли, —
Не погодка, а зверь!

Трос буксирный мие, Толя...
Резко хлопнула дверь.
Вздох оставшихся дружных:
— Что ж, поможем, пошли..
Рев мотора патужный
Все глушше вдали.
Вновь подошвы стучат,
Дождь утихнет слегка,
И шоферы молчат,
Ожидая звонка.

1965—1985 г.г.

А В Г У С Т

У тополя слегка желта вершина,
Все полновесней колыханье нив,
И радуга пьет воду из Ишима,
Концы дуги в кувшинки уронив.
А меж березок — паутины волос,
Приметно рдеют яблочки в саду,
Растут грибы, и вызревает колос,
И первые итоги — на виду.

1991 г.

—

КАТЕРИНКА

Осень листьями сыплет,
Стелет их по тропе.
Ветер за уши щиплет,
Хороводит в трубе.
Предзакатною ранью
Там, где тополь дрожит,
Торопясь, на свиданье
Катеринка бежит.
Катеринка — Катюха,
Ой, вертун — голова!
Не доходят до слуха
Увещаний слова,
Что любовь его только
На сейчас, на момент,
Что пока еще Толька —
Беззаботный студент,
Без хозяйства, без денег —
Что, мол, встречи дадут?
А к тому же в понедельник
Вновь ему в институт
Трактористы, мол, ходят,
Мать, мол, дочке не враг...
До нее не доходит
Все это никак.
Отмахнулась лишь давеча
Да и бряк, не тая:
Понедельник когда еще,
А суббота — моя!

Ой, субботы, субботы,
Ой, горячая кровь —
Матерям-то заботы,
А девчонкам — любовь!
Долго, словно получку,
Ждать, кого суждено,
Та в субботу под ручку
Мимо окон — в кино.
А за окнами, грудью
На цветы навалясь,
В юбках плисовых «судьи»
Всех обсудят тотчас.
Всех по косточкам сразу
Разберут — не собрать:
Мол, своим лично глазом,
Мол, ей-ей, не соврать!
Катеринка, не слушай —
Пусть судачат да врут,
Это просто, Катюша,
Их завидки берут.
Коль годков бы по тридцать
Вдруг у каждой отнять,
Так тебе умориться
Их тропой догонять!
Бьется, рвется косынка —
Придержи, улетит!
Торопись, Катеринка, —
Видишь, Толик стоит.
— Вот, наверно, замерз-то,
Отогрею сейчас!
Что ж, друзья, отвернемся —
Дальше все — не для нас!

1966г.

ПРЕДЗИМНÉЕ

Как в природе все переменилось:
Облетели за ночь тополя,
Ссень отдала зиме на милость
Убраные, стылые поля.
С огородов овощ, как ведется,
Убран и припрятан про запас...
Лишь сирень морозцам не сдается —
Зеленеет дерзко и сейчас.
Заморозок размягчил ранетки,
Властвовал над ними до зари,
И червонеют на каждой ветке
Пламенные мини-снегири.

* * *

Летят над сжатым полем журавли,
Печально смотрят вниз на увяданье...
Как я хочу,
Чтоб все они смогли
Сюда вернуться звенистою ранью!
У вожака — в Заморье теплом взгляд,
И пусть земля родная не в обиде,
Но ты не видел, как они летят?
Жаль — это надо
Раз хотя б увидеть!

* * *

В октябре над солнечными далями
Четкие пунктиры журавлей,
В октябре отрадно и печально мне,
Чувства обостренней и светлей.

Все, как в детстве, и томит, и
радует—
Все, чему свершиться суждено...
Только жаль, когда на землю падает,
А не в бункер спелое зерно.

* * *

Словно глазенки дошкольников,
Ясностью дни полны,
Ветром, как метлами дворников,
Листья с аллей сметены.
Швыряет снежинки озерье
Ветер, сходя с ума...
Это — пока и осень,
И торопыга-зима.

* * *

Неприметно день убудет,
И однажды нас с тобой
Неожиданно разбудит
Снег, кристально-голубой.
Нет, не белый, словно вата,—
Голубой он—вот, взгляни!
И слегка зеленоватый
Под сосенками в тени.
Быть художником не надо,
Чтобы краски различить,
Восхищенно—робким взглядом
Грусть по лету излечить,
Быть не надо Васнецовым,
Чтобы радость обрести
И по сказочным обновам
За мечтой своей брести!

1953—1992 г.г.

С Н Е Ж И Н К А

Вновь снежинки за снежинками
В стылом воздухе кружат,
Легкокрылыми пушинками
На плечах моих лежат.
Торопясь, с пальто и валенок
Их легко сметаем мы...
Сколько их — пушистых, маленьких
Вестниц матушки-зимы!
Но сегодня неожиданно
С рукава одну я снял:
Как красив ее невиданный
Тонкий стрельчатый овал!
Как ее ажурны линии —
Словно кружева шитье...
Как бы в Африке иль в Индии
Загляделись на нее!
Где, мол, кем такая создана?
Но у нас — не те места...
И лежит, в тропинки втоптана,
Зимних сказок красота.

1960 г.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Над миром снова властвует зима —
Бураниста, морозна, многоснежна,
И смотрят вдаль озябшие дома,
В степной простор, суровый и
безбрежный.

Там тракторы рокочут день-деньской:
Снег бороздят,
Вывозят удобренья,
И лета ждет с особенной тоской
Серебряное колков оперенье.
Еще не скоро забурлит весна
И станет мир улыбчивым и новым,
Но загодя готовят семена
И проверяют всхожесть агрономы.
И просят: потеплей, зима, одень
Поля снежком, их силу умножая...
В заботах по стране шагает день
И в думах о грядущем урожае.

1975г.

БЕРЕЗА В СОСНОВОМ ЛЕТУ

Меняются зимы и весны,
Одно неизменно в лесу —
Прямые, высокие сосны,
Что к небу вздымают красу.
Всегда: и в пургу, и в морозы
Зеленою кроной шумят...
Средь них одиночкой — береза,
Что сбросила летний наряд.
Она не прямая, неказиста,
Но выгнутый ствол не зачах,
И ветер гуляет со свистом
В ее обнаженных ветвях.
А сосны ее обступают
И держат почти на весу.
Не белой вороною в стае —
Береза в сосновом лесу.
Ветров принимая удары,
Меж сосен она устоит
И снова весной благодарно
Веселой листвой зашумит.

1983г.

УТРО НА ЦЕЛИНЕ

В час, когда до рассвета на западе
долго,
И блестит Млечный Путь,
Как натертый золой,
В час когда еще дремлет усталая
Волга,
Всходит солнце над нашей
Целинной землей.
Все вокруг оглядев,
Убедившись воочью,
Что проснулся наш край,
Говорит оно нам:
— С добрым утром, друзья!
Как спалось этой ночью?
Приготовьтесь к сегодняшним новым
делам!
Смотрит солнце в поля:
Там рокочут моторы,
Трактора бороздят неподатливый
снег,
Мимо фермы пройдет —
Там степные просторы
Будоражит рассыпчатый девичий
смех.
Друг, товарищ,
Знакомый иль незнакомый —
Видишь, как заискрилось лучами
стекло?
Просыпайся скорее,
Готовься к подъему:
Слышишь — утро уже,
Видишь — солнце взошло?
Значит, некогда нам,
Недосуг прохладиться —
Пей душистый, на травах
настоянnyй чай

И спеши поскорей за дела
приниматься,
Время требует властно:
Работать давай!
Нам на блюдце достаток
Никто не подносит,
Чтим мы заповедь дедов
И помним всегда:
Та землица по-щедрому плодоносит,
На которую трачено много труда!

1959—1993г.г.

ФЕВРАЛЬСКОЕ

По радио передают:
На нашу область
Идут морозы, ветры и снега,
И вновь зима нахмурится нодобро,
И снова разбуранился пурга.
Листал январь безвьюжные
страницы:
Стемнеет — звездный реет хоровод.
Зима, как мастерица-кружевница,
Таких узоров за ночь наплется!
А выйдешь утром —
Иней оторочьем
На ветках зачарованных висит,
И спирт в термометре, что сжался
ночью,
Поднимется — лишь руку поднеси.
Да, было так...
Но уж теперь, наверно,
Денькам таким погожим не бывать...
Доярки будут по утрам на фермы
Глубокие тропинки пробивать.
И скотники начнут охапки сена
Из стога, как из пасти, выдирать,
Поземкой, словно шваброй,
постепенно
Февраль шоссеики станет протирать.
И «Кировцы» потянут сквозь заносы
От ферм молоковозы напрямик...
Несет февраль бураны да морозы
И ветками простуженно гремит.
Ну, что ж, давно мы к этому готовы —
Не первый раз, не привыкать,
друзья!

Улыбкой доброй иль душевным
словом
Друг друга разве отогреть нельзя?
Нам воробей из теплого приюта
Чириканьем напомнит про весну,
И теплотой июньских незабудок
Глаза девчонки синие блеснут.
И станет вдруг теплей в студеном
поле,
Как в солнечный, последний день
зимы...

Крути, метель, —
А мы из воска, что ли?
Лютуй, февраль, —
Готовы к встрече мы!

1972г.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

А вьюга снова закрутила
И мглой село заволокла,
А лес, иззябший и унылый,
Студеным ветром обожгла.
Трещали жгучие морозы —
Тепло попробуй, сбереги!
А нынче дрогнули березы
Перед нашествием пурги.
И все ж недаром в наступленье
Ферваль полки свои ведет, —
Он предвещает: потепленье
Сегодня, завтра ли — придет!
И солнце, как галантный рыцарь,
Красавиц озарит лесных,
И будет снова лес искриться
В гирляндах звонко-ледяных.
Гудит пурга по тайным тропам,
По разветвлениям лесным,
Но шорох в рощах —
Словно шепот
О приближении весны.

1976г.

ПИСЬМО КАЗАХСКОМУ ПОЭТУ

Счетет ли дождь,
Метет ли в окна выюга
Иль в тихий час
Февральской темноты
Давай с тобой
Переводить друг друга —
На русский я
И на казахский — ты.
Твои стихи
Давным- давно я знаю—
Ты их, прошу,
Еще раз прогляди,
Те отбери,
Что лучшими считаешь
И слово в слово
Их переведи.
Я сохраню и образы, и ритмы,
И строй стиха ничуть не изменю.
Казахскую отточенную рифму
Такой же точно русской заменю.
Не первый век
Народы наши дружат,
И чтоб всегда им в единенъе жить,
Считаю, крепко-накрепко нам нужно
Как авторов, стихи их подружить.
Мы в дружбе нашей
Всякого хлебнули,
Но буду счастлив,
Если вдалеке

Прочтет вдруг стих мой
Аксакал в ауле
На звучном, на казахском языке.
Пусть зазвенит созвучьями округа
В часы, когда окраины тихи...
Давай с тобой
Переводить друг друга—
Пусть дружат,
Пусть братаются стихи!

1980г.

— 4 —

МОЛОДОЙ ДОЯРКЕ

На ресницы — и взглянуть опасно,
Надо ябом — волос пушистых дым,
А в глазах — такая глубь и ясность —
Поневоле будешь молодым!
Затемно выходишь ты из дома,
Хоть вставать в такую рань и лень,
Узенькой тропинкою знакомой
Ты спешишь на ферму дважды в
день.

То ли голос твой волшебен звонкий,
То ли девичья рука легка,
Но дают пятнистые буренки
С каждым годом больше молока.
Видно, жар души своей богатой
Ты не зря им поровну даришь...
Про себя ты гордо: «Оператор»
Людям незнакомым говоришь.
Иногда под праздник иль в субботу,
Завершив домашние дела,
В гости одноклассницы заходят,
Что сбежали в город из села.
Грустно и смешно тебе, наверно,
Услыхать, как охают они:
— Чтобы с аттестатом и — на ферму
Я пошла... Да Боже сохрани!
А придя на танцы знайным летом,
Ты смущенно смотришь на ребят,
Что большой портрет твой из газеты,
Вырезав, отчаянно хранят.

Не в портретах суть —
Кому-то ж надо,
Выбрав путь, что прочих не светлей,
Не для денег и не для награды
Жить и вкалывать в родном селе.
В пять часов подняться, как обычно,
И, одевшись, просто, без затей,
Бновь идти дорогою привычной,
Трудной, но —
И нужной для людей!

1977 г.

—

ПЕСНЯ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Распахну я форточку пошире:
Поле, речка, лес невдалеке,
И звучит в недремлющем эфире
Песня на казахском языке.
Вновь напев, гортанный и
протяжный,
Сердце и простор заполонил...
Что не знаю слов —
Не так уж важно,
Мне другим и близок он, и мил.
Песни смысл — непаханные степи,
Казаны у юрты над огнем...
Неспроста акына голос крепнет,
Прославляя необъятный дом.
Пусть не часто баловала доля
Прадедов его давным-давно,
Да зато раздолье-то, раздолье —
В каждой песне властвует оно.
Может, впрочем, создана недавно
Песня, что по радио поют?
Восхищение простором славным,
Сердцем чую, слышится и тут.
Легче под добмру в степи согреться,
Проще быть с людьми накоротке...
Так волнуй же,
Растревожь мне сердце,
Песня на казахском языке!

1978г.

В ПОГРАНИЧНОМ СЕЛЕ

Друзьям из села Долматово,
расположенного на границе Северо-Ка-
захстанской и Тюменской областей.

Ишим блестит на солнце матово,
Шныряют птахи по кустам...
Идет автобус на Долматово
По дивным, сказочным местам.
Не год, не сто—два века с лишним
Живет старинное село.
В садах обильно зреют вишни,
Кругом — черемухи полно.
Обрывист берег у Ишими,
На кромку стань и погляди:
Из труб трех тонких—струйки дыма,
То — Петропавловск впереди.
А до него — полста, пожалуй,
Коли не больше, долгих верст...
Простор распахнут небывалый
От неба — до высоких звезд.
Отрадней я у нас в районе
Нигде картины не встречал,
И с соловьями в лад гармони
Поют здесь летом по ночам.
Поют душевно так и ладно,
Что заполночь заснешь с трудом...
Не зря фамилия Отрадных
В селе почти что через дом.
Над речкой улицы — страницы
Всей жизни старого села...
А рядом, за ложком, — граница
С соседней областью легла.

Нет ни столба на ней, ни камня,
И в селах одинаков быт...
Как эта сторсна близка мне.
Край этот в строчках не забыт!
Кто век в трудах—тот нынче в силе,
И словоперенья не нужны...
Ну, что ж, что Казахстан с Россией
Две нынче разные страны?
Родня встречается не реже
И, растревожив тишину, уют,
Одни на праздниках и те же
Тут песни старые поют.
Им агитаторов не нужно,
К согласью тяга велика...
Российско-казахстанской дружбы
Т'ут воплощенье — на века!

1978г.

БЕРЕГИТЕ ЛЮДИ КРАСОТУ!

Защемит вдруг сердце болью долгой
Близ березки с содранной корой
Или в глубине большого колка
Визг пилы заслышу я порой—
Разом душу гнев и боль охватят...
Крикнуть бы, чтоб слышно за версту:
— Что вы, люди, делаете? Хватит,
Не губите эту красоту!
Красоту Ишима и Арала,
Балхаша и крохотных озер...
Испоганили и так немало
Мы чудес природных с давних пор.
Жить бы здесь да молча любоваться,
Не скрывая восхищенных слез,
Да не знаю—лет через пятнадцать
Все ль увидим это—вот вопрос!
Что прекрасней в мире есть, не знаю,
Чем места, где я давно живу...
Потому прошу и заклинаю:
Берегите росную траву,
Колки Притоболья, Приишимья,
Древний бор, черемуху в цвету...
Внуков наших столького лишим мы,
Коль погубим эту красоту!
Светлый мир мечтаний и фантазий—
В нем и жить, и сеять нам, и жать...
Нам природа — мать...
А можно разве
Мать родную так не уважать?

1985—1993г.г.

ЖЕНЩИНЫ ИЗ КЛУБА ВЕТЕРАНОВ

Членам клуба ветеранов при
Соколовской ЦБС посвящается.

В клубе собираетесь не рано—
Под вечер — отвлечься от забот...
Женщины из клуба ветеранов,
Пожилой, но солнечный народ.
Ваше детство — годы пятилеток,
Ваша юность — тяготы войны,
За весною прокатилось лето,
Все — без отдыха и тишины.
Все в делах—
С утра почти до ночи:
Дом, хозяйство, дочки, сыновья...
Не старея сердцем, между прочим,
Отдыхали редко—знаю я.
То с детьми, рассказывали сказку,
То в лесу, где сено да грибы.
Не мужскую помните вы ласку,
А удары каверзной судьбы.
И сейчас заслуженный ваш отдых
Начал неприметно тяготить...
От домашней вырвавшихся заботы,
Чай вы собираетесь попить.
И попеть—и песни, и частушки,
Душу хоть немного растрясти...
Кто вас назовет тогда: старушки?
Молодицы, век бы вам цветсти!
Я любуюсь вами, как ни странно,
Будучи на вечер приглашен..

Женщины из клуба ветеранов,
Вам мой низкий,
Искренний поклон!
Вашей покорен судьбой большою,
Равнодушно не могу смотреть...
Не старейте никогда душою,
Сердцу не давайте постареть!

НАД ОБРЫВОМ

Снега сверкают тысячами искр,
Слепят глаза недвижной белизною,
И кажется:
Идешь на страшный риск,
Когда стоишь один над крутизною.
И кажется:
Нарушить нелегко
Манящих склонов тишину немую...
Сосна внизу — не просто далеко—
Почти недостижима напрямую.
Но вот —
Безмолвна так же тишина,
А страх остался позади, неведом...
Ты вниз летишь,
И снега целина
Распахана двойным, глубоким
следом.

...Не так ли ныне
В рынок мы летим
Стремглав,
Назад боимся оглянуться
И лишь вперед отчаянно глядим:
Не зацепиться бы, не кувыркнуться!
Бывают новости с размаху, что ни день,
И цены скачут ввысь на удивление,
И мысль мелькает чаще у людей:
Пусть будет плавным
Наше «приземленье»!

1992г

СТАРУХА

Опять доносятся до слуха
Слова: «По новым ценам счет...».
Немало прожила старуха,
Но хочется пожить еще.
Зима поземку-саван стелет,
Мороз к ее стенаньям слеп...
Еще до пенсии — неделя,
А денег нету и на хлеб.
Зазря не тратила копейку,
Да напасешься разве тут?
И, надевая кацавейку,
Бормочет: «Может, подадут...».
А стыд — не дым, глаза не выест —
Дожить-то надобно, хоть как...
Вы, люди добрые, живые,
Не поскучитесь на пятак!
И много ли старухе надо —
Рублевка, «трешка» ли — и вот
Буханка хлеба, как отрада,
Глядишь, под вечер снизойдет.
Ушла давно былая сила,
Не греет ветхое пальто...
На совесть бабка отробила,
Да заработала-то что?
Была веселой и красивой,

И работаю всегда,
А на таких и мать-Россия
Держалась в трудные годы.
Сейчас — давно забыли внуки
И дети в скудости живут,
И нет конца лихой порухе,
Что рынком вроде бы зовут.
А надо жить...
Неужто будем
Мы перед старостью в долгу?
Идет старушка к добрым людям
И верит: я ей помогу.
Я да другой, да третий, пятый
На хлеб несущий подадим
И в этой жизни распроклятой
Пропасть старухам не дадим.
По переулкам выют метели,
Под кацавейкой — пуст живот,
Еще до пенсии — неделя...
Коль все поможем —
Доживет!

1993г.

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ!

Светлой и незабвенной памяти
НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА
КОМИССАРОВА посвящается.

Удар тяжел...
До боли сердце сжало...
Такая весть — трагичнее всего:
Неужто Комиссарова не стало,
Неужто потеряли мы его?

А кем он был?
Не просто Человеком—
Работником незаменимым был,
Жил вровень с временем
И вровень с веком,
Когда работал и руководил.
Не потому ли сердце так болело
В заботах повседневных у него,
Не потому ль так быстро ослабело—
Попробуй доболеться до всего!
Не с радостною вестью или
счастьем —
К нему с обидой, с горем люди шли
И знали: не обделит соучастьем,
И жалобы свои к нему несли.
Известие и горестно, и тяжко
Для всех в районе,
Всех соколовчан...
Уверен: сердцем содрогнется
каждый,
А кто-то будет плакать по ночам,
Страдать, скорбеть...

А как же и детям
Такого Человека потерять?
Цоистине больней всего на свете
Свои поступки, мысли
С ним сверять!
И долго он еще пребудет с нами,
Вседневно души наши шевеля...
Что ж, вечная, Андреевич, Вам
память,
Пусть вечно будет
Пухом Вам земля!

Март 1993 г.

ЗВЕЗДА ПОЭЗИИ МАГЖАНА

Недаром к ней
Так ревностно спешим мы
И ловим свет ее
Сквозь толщу лет:
Родившись здесь,
В раздольном Приишимье,
Она в столице набирала свет.
Средь кривоголков,
Путаницы вкусов
Магжана стих —
Не искоркой блестал.

Не зря большой поэт — Валерий
Брюсов

Его «казахским Пушкиным» считал.
Политиканские нападки плетьью
Рвезду хлестали, погасить стремясь,
И не на годы — на десетилетия
Утратили казахи с нею связь.
Как говорится,
Вроде близок локоть.
Да не укусишь...
Время вкривь неслось...
И выоги Сзвера,
И нар жестокость
Магжану в жизни испытать
пришлось.

Кто власть имел—
Ослепли сердцем, что ли,
Бездушия их не понять никак:
Учителем работать даже в школе
Не разрешили —
Он, мол, «тайный враг»!
Ему в забвенье,
В лагеря дорога,
В глухую степь,
В карельские леса...
А он, Магжан, поэтом был—
От Бога,
Еще б он столько сделал, написал!
Как восхищались взрослые и дети,
Его стихом зачываясь всласть!
Но справедливость все же есть
на свете —
Звезда Магжана заново зажглась.
Сияет в поэтической Вселенной,
Пробившись через сумрак
тусклых лет,
Его стихов высокий и нетленный,
Горячий,
Возвышающий нас свет!

1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	1
МОЕ ПОКОЛЕНИЕ	
След нетающий выжжен	4
в гостях у детства	6
Дорога в школу	8
Сынок	--
Короливные щи	12
Ребята военной поры	14
Я знаю гнев	16
Память детства	17
плакта в звани Победы	18
дорога в Дунилово	19
Голуби	20
Речка Вондога	22
Возвращение	23
Лутъ мой	24
ЗВО СТЕПНЫХ ВЕТРОВ	
Начало пути	26
Старый вокзал в Петропавловске	28
Вода	29
Башкирская песня	30
Ночью в степи	31
Слово о плице	32
Это было	33
Палатка	34
На элеватор	35
Поезда	36
Экспонат	37
За наш целинный хлеб	38
Станция Киялы	32
Дорога	40

У НАС В ПРИИШИМЬЕ

Ивы	42
Мечта	43
Огородная весна	44
Соловьи за Ишимом	45
Болею сердцем за Ишим	47
На рыбалке	48
Караси	49
Сельское утро	51
Я иду по земле	52
Поливные луга	54
Сенокос	55
На дальнем отгоне	56
Летний дождь	57
Березовые колки	58
По грибы	59
Сентябрь	61
На жатве	62
Районный элеватор	63
В диспетчерской	64
Август	66
Катеринка	67
Предзимнее	69
Снежинка	71
Зимний день	72
Береза в сосновом лесу	73
Утро на целине	74
Февральское	76
Приближение весны	78
Письмо казахскому поэту	79
Молодой доярке	81
Песня на казахском языке	83
В пограничном селе	84
Берегите, люди, красоту!	86
Женщины из клуба ветеранов	87
Над обрывом	89
Старуха	90
Мы не забудем!	92
Звезда поэзии Магжана	94

Альфред Николаевич ПРЯНИКОВ
РАЗНОГОДЬЕ
Сборник стихотворений

Издание выходит в авторской редакции.
Спонсор — Соколовский районный Совет народных депутатов.

Редактор В. А. Личман.

Художественное оформление В. П. МАНЗИ.

Фотопортрет А. А. Круглова.

Сдано в набор 15.08.93г.. Подписано в печать 1.XI.93г.
Формат 15x21. Печать высокая.
Усл. 2,5 печ. л. Уч.-изд. л. — 2,25. Тираж 1000 экз.
Бумага тип. Цена свободная.

Соколовская районная типография, Северо-Казахстанской
области, с. Соколовка, ул. Советская, 11.